

Морской царь и Василиса Премудрая

Вариант сказки

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошел царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел; только хотел его застрелить, орел и просит: "Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь". Царь подумал-подумал и говорит: "Зачем ты мне нужен!" - и хочет опять стрелять. Говорит ему орел в другой раз: "Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь". Царь думал, думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хочет уж совсем застрелить его. Орел и в третий раз провещал: "Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!"

Царь смиливался, взял орла к себе и кормил его год и два: орел так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орел: "Пусти-ка меня на волю!" Царь выпустил его на волю; попробовал орел свои крылья - нет, не сможет еще летать! - и просит: "Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!" Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал, летал, спустился на землю и говорит: "Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим шесте". Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря сийнеш. Тут орел скинул с себя царя, упал он в море - по колени намок; только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: "Что, царь-государь, небось испужался?" - "Испужался, - говорит царь, - думал, что совсем потону!" Опять летели, летели, прилетели другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посеред моря - ажно царь по пояс измок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает: "Что, царь-государь, небось испужался?" - "Испужался, - говорит он, - да все думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь". Опять-таки летели, летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубь - ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает: "Что, царь-государь, небось испужался?" - "Испужался, - говорит царь, - да все думалось: авось ты меня вытащишь". - "Ну, царь-государь, теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я все просил тебя да на мысли держал: авось ве загубишь, авось смируешься - к себе возьмешь!"

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орел: "Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?" Посмотрел царь. "Над нами, - говорит, - небо, под нами земля". - "Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую?" - "По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит". - "Полетим туда, - сказал орел, - там живет моя меньшая сестра". Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орел, выскоцил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орел царю: "Погляди, что позади нас?" Обернулся царь, посмотрел: "Позади нас дом красный". А орел ему: "То горит дом меньшой моей сестры - зачем тебя не примала да борзыми собаками травила". Летели, летели, орел опять спрашивает: "Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?" - "Над нами небо, под нами земля". - "Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?" - "По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит". - "Там живет моя середняя сестра; полетим к ней в гости". Опустились на широкий двор; середняя сестра примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орел осерчал, выскоцил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше.

Летели они, летели; говорит орел: "Царь-государь! Посмотри, что позади нас?" Царь обернулся: "Стоит позади красный дом". - "То горит дом моей середней сестры! - сказал орел. - Теперь полетим

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

туда, где живут моя мать и старшая сестра". Вот прилетели туда; мать и старшая сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою. "Ну, царь-государь, - сказал орел, - отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя и ступай с богом домой". Дал он царю корабль и два сундучка: один - красный, другой - зеленый, и оказывает: "Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отопри на заднем дворе, а зеленый сундучок на переднем дворе".

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на берег, вспомянул про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орел не велел открывать их; думал, думал, не утерпел - больно узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттуда столько разного окота вышло, что глазом не окинешь, - едва на острове поместились.

Как увидал это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: "Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?" И видит он - вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: "Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?" - "Как же мне не плакать! - отвечает царь. - Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?" - "Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с условием: отдай мне - чего дома не знаешь". Задумался царь: "Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю". Подумал и согласился. "Собери, - говорит, - отдам тебе - чего дома не знаю". Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только уведал, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливаются. "Царь-государь, - спрашивает царица, - скажи, о чем горьки слезы ронишь?" - "С радости", - говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок - и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки стали полны. Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке; на ту пору показался из воды прежний человек и говорит: "Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!" Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного,

Огляделся царевич кругом, увидал тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет. Шел, шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. "Дай зайду", - подумал царевич и вошел в избушку. "Здравствуй, царевич! - молвила баба-яга. - Дело пытаешь или от дела лытаешь?" - "Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси". Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет. Говорит ему баба-яга: "Иди, дитятко, на море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадься потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Объедало да Опивало, попадется еще Мороз-Трескун - всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся".

Простился царевич с ягою, пошел на оказанное место на море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич "край у старшей сорочки, сидит за кустам - не ворохнется. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. "Отдай, - говорит, - мою сорочку; придешь к батюшке, водяному царю, - в то времечко я тебе сама пригожусь". Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Объедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит: "Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаючи. При-майся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь - голова долой!" Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: "О чём, царевич, слезы ронишь?" - "Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять". - "Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее".

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: "Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придет". Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту - где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь. "Спасибо, - говорит, - сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтрему зеленый сад - большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели". Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и опрашивает: "О чём плачешь, царевич?" - "Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить". - "Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее".

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистам; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: "Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идет". Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: "Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трех раз одну и ту же - будет она твою женою, не угадаешь - велю тебя казнить". Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: "В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать". Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья - сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб все было поедено; коли что останется - худо будет. "Батюшка! - просит царевич. - Есть у нас старишок, дозволь и ему закусить с нами". - "Пускай придет!" Сейчас явился Объедало; все приел - еще мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. "Батюшка! - просит опять царевич. - Есть у нас другой старишок, дозволь и ему выпить про твое здоровье". - "Пускай придет!" Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек - еще опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берет, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-нажарко; истопили баню чугунную, двадцать сажен дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили - за пять верст подойти нельзя. "Батюшка, - говорит царевич, - дозволь наперед нашему старишку попариться, баню опробовать". - "Пускай попарится!" Пришел в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул - уж сосульки висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. "Уйдем от батюшки водяного царя, - говорит царевичу Василиса Премудрая, - он на тебя сильно сердит, не причинил бы зла какого!" - "Уйдем", - говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали, ехали; много прошло времени. "Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, - сказала Василиса Премудрая, - не слыхать ли за нами погони?" Царевич припал ухом к сырой земле: ничего. не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: "Ах, царевич! Слычу сильную за нами погоню". Оборотила она коней колодезем, себя - ковшиком, а царевича - старым старишком. Наехала погоня: "Эй, стариик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?" - "Видал, родимые! Только давно: они еще в те поры проехали, как я молод был". Погоня воротилась к водяному царю. "Нет, - говорит, - ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает". - "Что ж вы их не брали?" - закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрою послал другую смену. А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: "Эй, старишок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?" - "Видел, родимые! Только давным-давно; они еще в те поры проехали, как я молод был, эту церковь строил". И вторая погоня воротилась к водяному царю: "Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую". - "Что ж вы их не брали?" - закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисою Премудрою сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича - селезнем, себя - серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил - до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисою Премудрою поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: "Ступай, царевич, вперед, доложись отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни мое слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь". Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал - как в ту же минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного - все бы шли поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить. "Для кого, бабушка, пирог готовишь?" - опрашивает ее Василиса Премудрая. "Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать". - "Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует". - "Пеки с богом!" Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит: "Голубушка, дай и мне творожку!" - "Не дам, - отвечает голубка, - а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую". Тут вспомнил царевич про свою жену, выскоцил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастии.

Вариант сказки

Жили мышь с воробьем ровно тридцать лет так дружно: кто что ни найдет - все пополам. Раз воробей нашел маковое зернышко. "Что тут делить? - подумал он. - Раз куснуть - нет ничего!" Взял да и съел один зернышко. Спознала про то мышь и не захотела больше жить с воробьем. "Давай, - говорит ему, - давай драться не на живот, а на смерть; ты собирай всех птиц, а я соберу всех зверей". Так и сделалось; собрались и звери и птицы, бились долго-долго. В этом бою побили одного орла; тот полетел на дубок и сел на ветку.

На ту пору мужик в лесу охотился; охота была неудачная. "Дай, - подумал мужик, - хоть орла убью". Не успел он взяться за ружье, как орел провещал человеческим голосом: "Не бей меня, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделал". Мужик пошел от него прочь, ходил, ходил, не нашел никакой птицы; подходит в другой раз к дубу и хочет орла убить. Уж совсем было приловчился, орел опять упросил его. Мужик пошел от него прочь; ходил, ходил, не нашел ничего; поравнялся опять с орлом, приложился и выстрелил - ружье у него осеклось. Проговорил орел: "Не бей ты меня, добрый человек, в некую пору пригожусь я тебе. Возьми лучше к себе, выхоли да вылечи".

Мужик послушался, взял орла в избу к себе, стал его кормить мясом: то овцу зарежет, то теленка. В дому мужик жил не один; семья была большая - стали на него ворчать, что он весь на орла проживается. Мужик терпел долго; наконец говорит орлу: "Полетай, куда знаешь; больше держать тебя не смогу". - "Пусти меня сил попробовать", - отвечает орел. Взлетел орел высоко, опустился наземь и говорит мужику: "Продержи меня еще три дня". Мужик согласился.

Прошло три дня; молвил орел мужику: "Пора нам с тобою рассчитаться; садись на меня". Мужик сел

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

на орла; орел взвился и полетел на сине море. Отлетел от берега и спрашивает у мужика: "Погляди да скажи, что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?" - "За нами, - отвечает мужик, - земля, перед нами - море, над нами - небо, под нами - вода". Орел встрепенулся, мужик свалился; только орел не допустил его упасть в воду, на лету поймал. Взлетел орел на середину синя моря, опять стал спрашивать: "Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?" - "И за нами - море и перед нами - море, над нами - небо, под нами - вода". Орел встрепенулся, мужик свалился и упал в море; орел не дал ему потонуть, подхватил и посадил на себя.

Подлетают они к другому берегу; стал опять орел спрашивать: "Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?" Отвечает мужик: "За нами - море, перед нами - земля, над нами - небо, под нами - вода". Орел встрепенулся, упал мужик в море, стал совсем тонуть, чуть-чуть не захлебнулся... Орел вытащил его, посадил на себя и говорит: "Хорошо тебе тонуть было? Таково-то и мне было сидеть на дереве, как ты в меня из ружья целился. Теперь за зло мы рассчитались; давай добром считаться".

Взлетели они на берег; летели близко ли, далеко ли - видят посеред поля медный столб. "Прочти на столбе надпись", - приказывает орел мужику. Мужик прочел. "За этим столбом, - говорит, - стоит медный город на двадцать пять верст". - "Ступай в медный город; тут живет моя сестрица. Проси у нее медный ларчик с медными ключиками; что б она тебе ни давала, ничего другого не бери - ни зата, ни серебра, ни каменья самоцветного". Приходит мужик в город и прямо к царице: "Здравствуй! Тебе брат поклон шлет". - "А как ты знаешь моего брата?" - "Да я кормил его, больного, целые три года". - "Спасибо тебе, мужичок! Вот тебе золото, и серебро, и каменье самоцветное - бери сколько душе угодно!" Мужик ничего не берет, только оросит медного ларчика с медными ключиками. Она ему отказалась: "Нет, голубчик! Это для меня стоит дорого". - "А дорого, так мне ничего не надо". Поклонился, ушел за город и рассказал все орлу. "Ничего, - промолвил орел, - садись на меня". Мужик сел, орел полетел.

Стоит посеред поля столб - весь серебряный. Заставил орел мужика надпись читать. Тот прочел. "За этим столбом, - говорит, - стоит город серебряный на пятьдесят верст". - "Ступай в серебряный город; там живет моя другая сестрица, спроси у нее серебряный ларчик с серебряными ключиками". Мужик приходит в город, прямо к царице, Орловой сестрице; рассказал ей, как у него братец орел проживал, как он его холил и кормил, и стал просить серебряный ларчик с серебряными ключиками. "Правда, - сказала царица мужику, - ты сберег моего братца; бери, сколько хочешь, золота и серебра и каменья самоцветного, а ларчика не отдам". Мужик вышел за город и рассказал все орлу. "Ничего, - сказал орел, - садись на меня". Мужик сел, орел полетел.

Стоит посеред поля столб - весь золотой. Заставил орел мужика читать на столбе надпись. "За этим столбом, - прочел мужик, - стоит золотой город на сто верст". - "Ступай туда; в этом городе живет моя любимая сестрица, - проговорил орел, - проси у нее золотой ларчик с золотыми ключиками". Мужик пришел прямо к царице, Орловой сестрице; рассказал ей, как жил у него орел, как он за больным орлом ухаживал и чем его кормил-поил, и стал просить золотой ларчик с золотыми ключиками. Та слова ему не сказала - сейчас отдала ларчик: "Хоть дорог мне ларчик, а брат дороже!" Мужик взял подарок и вышел к орлу за город. "Ступай теперь домой, - сказал ему орел, - да смотри не отпирая ларчика до самого дома". Сказал и улетел.

Мужик долго крепился, да не выдержал до своего времени: не дошедши до двора, открыл золотой ларчик, и только успел открыть - как стал перед ним золотой город. Мужик смотрит - не насмотрится; чудно ему показалось, как это из ларчика да целый город выскочил! Меж тем царь той земли, на которой раскинулся золотой город, прислал сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что есть у него дома и чего он не ведает. Не захотелось мужику отдавать города; он подумал: "То, чего я не знаю, не жалко и отдать будет!" и согласился на последнее. Только вымолвил ответ свой, глядь - города нет: стоит он в чистом поле один-одинехонек, а возле него золотой ларчик с золотыми ключиками. Взял мужик ларчик и поплелся домой.

Приходит в свою избу, а жена несет ему младенца, что без него родила. Тут только спохватился мужик и спознал, чего просил у него царь земли неверной. Делать было нечего; раскинул он золотой город и стал до времени растить сына. Стало сыну осьмнадцать лет; царь земли неверной прислал

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
сказать, что пора-де рассчитаться. Поплакал мужик, благословил сына, да и послал к царю.

Идет молодец путем-дорогою, подходит ко Дунаю-реке и прилег тут на бережку отдохнуть. Видит он, что пришли двенадцать девушек - одна другой лучше, разделись, обернулись серыми утицами и полетели купаться. Молодец подкрался и взял платье одной девушки. Накупавшись, утицы вылетели на берег. Все оделись; одной недостало платья. Одетые улетели, а та стала плакать и просить молодца: "Отдай мое платье; не в кую пору сама сгожусь я тебе". Молодец подумал-подумал и отдал ей платье.

Приходит он к царю неверному. "Слушай, добрый молодец! - говорит царь земли неверной. - Узнай ты мою меньшую дочь; узнаешь - пущу тебя на все на четыре стороны, не узнаешь - пеняй на себя!" Только вышел молодец из дворца, меньшая царевна навстречу ему: "Отдал ты мне платье, добрый молодец, пригожусь и я тебе. Завтра отец мой будет показывать тебе всех нас, сестер, и велит меня угадывать. Мы все похожи одна на другую; так ты смотри: у меня на левом ухе будет мошка ползать".

Наутро зовет к себе молодца царь неверный, показывает ему двенадцать своих дочерей. "Угадай, - говорит, - которая меньшая дочь?" Молодец посмотрел: у которой на левом ухе мошка, на ту и показал. Завопил, закричал царь: "Слушай, молодец! Тут подлог есть, да я тебе не игрушка. Выстрой к завтрему мне белокаменные палаты; мои, вишь, стары, так я хочу в новые перейти. Выстроишь - отдам за тебя меньшую дочь, не выстроишь - живого съем!" Запечалился молодец, йдучи от неверного царя, да царевна ему навстречу. "Не кручинься, - говорит, - молись богу да спать ложись; к завтрему все готово будет". Лег молодец, заснул. Поутру глядь в окошко - стоит новый дворец, мастера ходят кругом да кой-где гвоздики поколачивают. Царь земли неверной отдал свою меньшую дочь за молодца; не хотелось ему отступиться от своего слова царского. Да и замысла покинуть - тоже не хочется: задумал он съесть живьем молодца и с дочерью. Пошла молодая посмотреть, что делает ее батюшка с матушкой; подходит к двери и слышит, что они советуют, как дочь с зятем съесть.

Побежала царевна к мужу, оборотила его в голубя, сама перекинулась в голубку, и полетели на свою сторонку. Проведал про то царь неверный, послал их догонять. Догонщики мчали-скакали, никого не нагнали, увидели только голубя с голубкою, да и вернулись назад. "Никого не нагнали, - сказали они царю своему, - только и видели голубя с голубкою". Царь догадался, что это они были; рассердился на догонщиков, перевешал их и послал других. Погнались эти, мчали-скакали, прискакали к реке, а у той реки стоит дерево; видят, что нет никого, и вернулись к царю. Рассказали ему про речку, про дерево. "Это они и были!" - закричал царь земли неверной, велел перевешать и этих догонщиков. Погнался сам.

Ехал, ехал и наехал на божью церковь. Он в церковь, а там старичок ходит да свечи перед иконами зажигает. Спросил царь у него, не видал ли он беглецов? Старичок сказал, что они уж давно ушли в золотой город, что стоит на сто верст. Ударился царь неверный от злости оземь, да делать-то было нечего - поворачивай оглобли домой. Только что он уехал, церковь оборотилась царевною, а старишок - добрым молодцем, поцеловались, да и пошли к батюшке с матушкой в золотой город, что раскинулся на сто верст. Пришли и стали там жить да поживать да добра наживать.

Вариант сказки

Однажды мышь уговор сделала с воробьем, чтобы вместе в одной норе жить, в одну нору корм носить - про зиму в запас. Вот и стал воробей пуще прежнего воровать: благо теперь есть куды прятать! И много натаскал он в мышиную нору ячменю, конопляного и всякого зерна. Да и мышь не зевает: что ни найдет, туда же несет. Знатный запас снарядили на глухое зимнее времечко; всего вдоволь! "Заживу теперь припеваючи", - думает воробей, а он, сердечный, порядком-таки поустал на воровстве.

Пришла зима, а мышь воробья в нору не пущает, знай его гонит, да еще в насмешку все перья на нем выщипала. Трудно стало воробью зиму маячить: и голодно и холодно! "Постой же, мышь каторжная! - говорит воробей. - Я на тебя управу найду, пойду на тебя своему царю жаловаться". Пошел жаловаться: "Царь-государь! Не вели казнить, вели миловать. Был у нас с мышью уговор, чтобы вместе в одной норе жить, в одну нору корм носить - про зиму запасать; а как пришла зима - не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

пушает она, каторжная, меня к себе, да еще в насмешку все первые мое повыдергала. Заступись за меня, царь-государь, чтоб не помереть мне с детишками напрасною смертию". - "Ладно, - вымолвил птичий царь, - я все это дело разберу". И полетел к царю звериному, рассказал ему, как мышь над воробьем наругалася. "Прикажи, - говорит, - моему воробью бесчестье то сполна заплатить". - "Позвать ко мне мышь", - сказал звериный царь.

Мышь явилась, прикинулась такой смиренницей, такие лясы подпустила, что воробей стал кругом виноват: "Никогда-де уговору у нас не было, а хотел воробей насиликом в моей норе проживать; а как не стала его пуштать - так он в драку полез! Просто из сил выбилась; думала, что смерть моя пришла! Еле отступился, окаянный!" - "Ну, любезный государь, - говорит звериный царь птичьему, - мышь моя ни в чем не виновна; воробей твой сам ее обидел, и никакого бесчестья ему платить не приходится". - "Коли так, - сказал птичий царь звериному, - станем сражаться; вели своему войску выходить в чистое поле, там будет у нас расчет с вашим звериным родом; а свою птицу я в обиду не дам". - "Хорошо, будем сражаться".

На другой день чуть свет собралось на поляну войско звериное, собралось и войско птичее. Начался страшный бой, и много пало с обеих сторон. Куда силен звериный народ! Кого ногтем цапнет, глядишь - и дух вон; да птицы-то не больно поддаются, бьют все сверху; иной бы зверь и ударил и смял птицу, так она сейчас на лет пойдет: смотри на нее, да и только. В том бою ранили орла. Пытал было сердечный подняться ввысь, да силы не хватило; только и смог, что взлетел на сосну и уселся на верхушке. Окончилась битва, звери разбрелись по своим берлогам и норам, птицы разлетелись по гнездам; а он, горемычный, сидит на дереве пригорюнившись: рана болит, а помочи неоткуда ждать.

В то самое время идет мимо охотник. День-деньской ходил он по лесу, ничего не выходил. "Эхма, - думает про себя, - видно, сегодня с пустыми руками домой ворочаться". Глядь - орел сидит на дереве. Стал охотник под него подходить, ружьем на него наводить. "Не стреляй меня, млад охотничек! - провещал ему орел человеческим голосом. - Лучше живьем возьми - в некое время я тебе сам пригожусь". Взлез охотник на дерево, снял орла с сосновой макушки, посадил к себе на руку и принес его домой. "Ну, млад охотничек, - говорит ему орел, - день-деньской ты ходил, ничего не убил, бери теперь острый нож и ступай на поляну; был у нас там страшный бой со всяkim зверем, и много мы того зверя побили; будет и тебе поживишка немалая!"

Пошел охотник на поляну; а там лежит зверя побитого видимо-невидимо, куницам да лисицам счету нет! Отточил нож на бруске, поснимал звериные шкуры, свез в город и продал недешево; на те деньги накупил в запас хлеба и насыпал три закрома большущие - на три года хватит! Проходит один год - опустел один закром; у орла силы все не прибывает. Взял охотник нож, отточил на бруске. "Пойду, - говорит, - зарежу орла; здороветь он не здоровеет, даром только хлеб ест!" - "Не режь меня, добрый человек! - просит птица орел. - Потерпи хоть еще годок; будет время - добром тебе заплачу". - "Ну, господь с тобой! Не возьму греха на душу; кормил год, прокормлю и другой".

Вот еще года как не бывало, опустел и другой закром; у орла все силы не прибывает. Говорит охотник: "Пожалел я в прошлое лето орла, а нынче, видно, конец пришел: здороветь он не здоровеет, только даром хлеб поедает! Пойду его зарежу". Взял нож, отточил на бруске и пошел к орлу: "Ну, орел! Прощайся со светом божиим. Лечил я тебя, лечил, а толку нет ничего; только занапрасно хлеб на тебя извел!" - "Не режь меня, добрый человек! Потерпи еще годок; будет время - добром тебе заплачу". - "Господь с тобой! Не возьму греха на душу; кормил тебя два года, третий куда ни шел!" На третий год стал орел выправляться, стала прибывать у него сила великая, богатырская: хлопнет крыльями - в избе окна дрожат.

Вот и третий год на исходе, во всех закромах пусто; остался охотник без хлеба. "Спасибо тебе, млад охотничек, - говорит ему орел, - что умел ты меня выходить". Посадил на себя того охотника и полетел с ним по поднебесью к морю-океану, да как забрал в самую высоту - встрепенулся и сбросил его вниз. Сажен на двадцать только не дал ему долететь до синя моря, подхватил и посадил к себе на спину. "Хорошо ли тебе было?" - спрашивает орел охотника. "Уж чего хуже этого, - отвечает он, - я думал: смерть моя пришла!" - "Таково-то и мне легко было, как приходил ты с ножом ко мне в первый год".

Поднялся орел выше прежнего, встрепенулся и сбросил охотника и, не допускаючи его до синя

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

моря сажен на десять, подхватил опять к себе на спину. Сидит охотник ни жив ни мертв. "Каково показалось тебе?" - спрашивает орел. "Чего хуже этого! Уж лучше бы ты один конец положил мне, да не томил моей душеньки". - "Таково-то мне было сладко, как приходил ты с ножом ко мне на другой год. Умел же ты меня помиловать, не останусь и я в долгур. Полетим, - говорит, - к моей старшей сестрице; станет она тебе давать много злата, и серебра, и каменья самоцветного - ничего не бери, проси сундучок".

Долго ли, коротко ли, прилетают они в тридевятое царство, в тридесятое государство. Выбегала навстречу им старшая сестрица, стала брата целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать: "Свет ты мой милый, братец любезный! Где был-побывал, в каких землях странствовал? Уж мы по тебе давно сокрушились, слезами горючими обливались". - "А и вечные веки бы вам по мне сокрушаться да слезами горючими обливаться, коли б не сыскался мне благодетель - вот этот охотник; он меня три года лечил и кормил, чрез него свет божий вижу".

Взяла орлова сестрица охотника за руку, повела его в подвалы глубокие; в тех подвалах лежит казна великая: злата и серебра - полные кучи, каменья самоцветного целый угол навален. "Бери, - говорит, - сколько хочется". Отвечает ей охотник: "Не надо мне ни злата, ни серебра, ни каменья самоцветного; коли милость твоя будет, отдавай мне сундучок". Как услышала таковы слова старшая сестрица - тотчас из лица переменяется, на иной лад речь поворачивает. "Как бы не так, - говорит, - знаем мы этих братьев, только и норовят, как бы выманить что получше да к своим рукам прибрать!" Не стал долго толковать с нею орел, подхватил охотника и полетел к середней сестрице; ну, и здесь случилось то же самое.

Полетел, наконец, к младшей сестрице; выбежала она навстречу, стала брата целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать: "Свет ты мой милый, братец любезный! Где был-побывал, в каких землях странствовал? А уж мы тебя и жива не чаяли, много слез по тебе пролили". - "И вправду, лежать бы мне во сырой земле, выплакать бы тебе свои ясные очи, коли бы да не сыскался благодетель - вот этот охотник; он меня три года лечил и кормил, чрез наго только и свет божий вижу!"

Сейчас повела орлова сестрица охотника в подвалы глубокие; в тех подвалах - казна великая: от каменья самоцветного аж глазам больно, про злато-серебро и говорить нечего! "Бери, - говорит ему, - сколько душа твоя хочет". - "Не надо мне, - отвечает охотник, - ни злата, ни серебра, ни каменья самоцветного; коли будет твоя милость, отдавай сундучок". - "Отчего не дать! Я для братца любимого ничего не пожалею". Сказала и отдала ему сундучок. "Иди теперь с богом в свое государство, - сказал охотнику орел, - да одно помни: не отворяй сундучка до тех мест, пока домой не воротишься". Тут распростились они любовно; орел взмахнул крыльями и поднялся стрелою в небо, а добрый молодец поплелся своею дорогою.

Долго ли, коротко ли шел он - только взяло его раздумье: что если в сундучке-то пусто? Было из чего хлопотать, таскаясь по белу свету! "Дай посмотрю!" Отворил сундучок... Батюшки светы! Как полезло оттуда воинство; так и валит, так и валит. Собралася рать несметная: и пешая и конная. "Как же теперь быть, - думает охотник, - как убрать в сундучок всю эту силу военную? Да этого и черт не сделает!" Глядь - стоит перед ним окаянный. "Хочешь, - говорит, - я помогу твоей беде; только не поскучись, отдавай мне - чего дома не знаешь". - "Изволь, - отвечает охотник, - готов тебе отдать чего дома не знаю, только с уговором: коли в три дня не сумеешь найти, так оно навсегда при мне останется". - "Ладно", - сказал окаянный.

Воротился охотник домой, а у него сын народился; жаль стало ему отдавать черту детище родимое, залился слезами и рассказал жене про свое горе. Всем ведомо, что баба хитрее черта. Говорит жена охотнику: "Что будет - то будет, а слезами делу не поможешь. Давай-ка убьем нашу цепную собаку и зашьем сына в собачью шкуру, да и цепь на него наденем: пусть сидит на привязи, словно взаправду пес". Так и сделали, зашили мальчика в собачью шкуру, привязали на цепь, а сами стали усердно творить молитвы богу.

Ночью поднялся на дворе страшный шум - и явился лукавый; уж он метался-метался: кажись, всякий уголок раза три оглядел, ошарил, а мальчика нет как нет! Вот запел петух, надо домой убираться; бросился лукавый к своему старшому. "Нигде, - говорит, - не нашел мальчика". - "А зачем же ты не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
досмотрел цепную собаку?" - сказал старшой да схватил его за хвост, тряс, тряс и со злости бросил в самый жар.

На другую ночь охотник зашил сына в баранью шкуру, на третью ночь в козлину; а сам с женой пуще прежнего богу молятся. Как ни бился лукавый, так-таки и не смог найти мальчика. После того выбрал охотник знатное место, выпустил из сундука все свое воинство, велел лес рубить да город строить. Мигом закипела работа, и откуда что взялось, словно из земли вышло, - раскинулся большой и славный город; в том городе стал он царствовать, и царствовал долго и счастливо.

Вариант сказки

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время домой не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает. Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьет и не чувт беды; а царь морской ухватил его за бороду. "Пусти!" - просит царь. "Не пущу, не смей пить без моего ведома!" - "Какой хочешь возьми окуп - только отпусти!" - "Давай то, чего дома не знаешь". Царь подумал-подумал - чего он дома не знает? Кажись, все знает, все ему ведомо, - и согласился. Попробовал - бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь. Стали они жить по-старому; а царевич растет себе да растет, словно тесто на опаре - не по дням, а по часам, и вырос большой. "Сколько ни держать при себе, - думает царь, - а отдавать надо: дело неминучее!" Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру. "Поищи здесь, - говорит, - мой перстень; я ненароком вчера обронил". Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка. "Куда идешь, Иван-царевич?" - "Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно". - "Ну, оставайся с богом!" И пошла старушка в сторону. А Иван-царевич пораздумался: "За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет". И стал ворочать старушку: "Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!" - "Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство".

Горько заплакал царевич. "Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старухи. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц - все красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки: у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!" Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сырь землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанныя: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют. Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сырь землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригоже, всех красивее! Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался тихохонько и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась - нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали, искали - не видать нигде. "Не ищите, милые сестрицы! Полетайте домой; я сама виновата - недосмотрела, сама и отвечать буду". Сестрицы красные девицы ударились о сырь землю, сделались

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

голубками, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила: "Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек - будешь мне родной батюшка, коли средних лет - будешь братец любимый, коли ровня мне - будешь милый друг!" Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит: "Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая".

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича. А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит: и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет. Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь: "Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и в поперек - одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтоб к завтрему было там как ладонь гладко, и была бы рожь посажена, и выросла бы к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла склониться. Если того не сделаешь - голова твоя с плеч долой!"

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидела его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает: "Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?" - "Как же мне не плакать? - отвечает царевич. - Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменьё острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться". - "Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!" Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом: "Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, сносите каменьё острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело".

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул - все готово; нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь - столь высока, что галка склонится. Пошел к морскому царю с докладом. "Спасибо тебе, - говорит морской царь, - что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен - все пшеница белоярая; обмолоти мне к завтрему всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь - голова твоя с плеч долой!" - "Слушаю, ваше величество!" - сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается. "О чем горько плачешь?" - спрашивает его Василиса Премудрая. "Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать". - "Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом; утро вечера мудренее".

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом: "Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть - все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто". Поутру зовет морской царь Ивана-царевича: "Сослужил ли службу?" - "Сослужил, ваше величество!" - "Пойдем, посмотрим". Пришли на гумно - все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы - все закрома полнеоньки зерном. "Спасибо тебе, брат!" - сказал морской царь. - Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтоб к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба". Опять идет Иван-царевич по двору и слезами умывается. "О чем горько плачешь?" - спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая. "Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску". - "Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее".

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом: "Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть - все летите сюда и слепите из чистого воску церковь божию, чтоб к утру была готова". Поутру встал Иван-царевич, глянул - стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом. "Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня не было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства оберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены". Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь. "Что так грустен, Иван-царевич?" - "Ах, Василиса Премудрая, сгрустнulось по отцу,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
по матери, захотелось на святую Русь". - "Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитряться!" Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя - молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери: "Проспитеся, пробудитесь! Вас батюшка зовет". - "Еще рано, мы не выспались; приходите после!" - отвечает одна слюнка. Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся: "Не пора-время спать, пора-время вставать!" - "Погодите немного; встанем, оденемся!" - отвечает вторая слюнка. В третий раз приходят посланные: "Царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются". - "Сейчас будем!" - отвечает третья слюнка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто. Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху. "Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?" Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит: "Слыши я людскую мольвь и конский топ!" - "Это за нами гонят!" - сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась смирною овечкою.

Наезжает погоня: "Эй, старишок! Не видал ли ты - не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?" - "Нет, люди добрые, не видал, - отвечает Иван-царевич, - сорок лет как пасу на этом месте - ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!" Воротилась погоня назад: "Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видели только: пастух овечку пасет". - "Что ж не хватали? Ведь это они были!" - закричал морской царь и послал новую погоню. А Иван-царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на борзых конях. "Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?" Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит: "Слыши я людскую мольвь и конский топ". - "Это за нами гонят!" - сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньkim попом, а лошадей деревьями.

Наезжает погоня: "Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкой?" - "Нет, люди добрые, не видал; сорок лет тружусь в этой церкви - ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!" Повернула погоня назад: "Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкой; только в пуне и видели, что церковь да попа-старика". - "Что ж вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были!" - закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою. А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая: "Иван-царевич! Припади к сырой земле - не слыхать ли погони?" Слез царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит: "Слыши я людскую мольвь и конский топ пуще прежнего". - "Это сам царь скачет". Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича селезнем, а сама сделалась уткою. Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сырь землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не смог сделать. Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесятое царство. "Подожди меня в этом лесочке, - говорит царевич Василисе Премудрой, - я пойду, доложусь наперед отцу, матери". - "Ты меня забудешь, Иван-царевич!" - "Нет, не забуду". - "Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, как станут два голубка в окна биться!" Пришел Иван-царевич во дворец; увидали его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую. Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься на какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь. "Разгадай, хозяйка, что будет из этих голубков?" - "А что будет? Съедим их - вот и все!" - "Нет, не угадала!" Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно - и в ту же минуту голуби встрепенулися, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь. Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

Вариант сказки

Як були собі цар да цариця; да у їх не було дітей; да були вони такі бідні, що і їсти нічого було. Раз пішов цар на заробітки; на дорозі йому захотілось пить, дивиться - коли криниця¹. От він тільки що нахилився напиться води, аж його щось за бороду і ухватило. Він став проситься: "Пусти мене, хто ти!" Так воно і каже: "Ні, не пущу! Пообіщай oddати мені то, що у тебе єсть дома миліше після жінки". Він подумав: що ж у мене єсть миліше жінки? Нема нічого! Да і пообіщав; а те і каже з криниці: "Я ж до тебе через три годи прийду за ним". Цар вернувся додому, коли його жінка стріча з сином Іваном. Він так був рад йому, а згадавши, що син вже не його, дуже заплакав. Як пройшли три годи, то зараз той бородатий і прийшов за царевичем; тільки цар випросив оставить сина іще у себе на три годи. От як пройшли іще три годи, так теє оп'ять прийшло за ним да й каже: "Що глядіте? Пришліть його мені зараз!"

1 (Колодец.)

На другий день цариця напекла йому на дорогу паляниць, розказала, куди іти, да ще й провела його недалеко за село; от він іде, коли дивиться - аж стойть хатка. А вже смеркалось, так він і зайшов туда на ніч; а там живе П'ятінка святая. Зараз побачила його да й каже: "Здрастуй, Іван-царевич! Чи по волі, чи по неволі?" - "Ні, П'ятінко! Більше що по неволі", да й розказав, куди і чого він іде. Так вона і каже йому: "Гаразд¹ же, що ти до мене зайшов: я тебе научу, куди іти: там є двоє воріт, так ти не йди у ті ворота, що колком заперти, а в ті, що замком, да ще на їх стремить² наткнута чоловіча голова; но ти не бійся! Тільки постурай, то зараз ворота самі і одчиняться, тоді іди усе по дорожці, і прийдеш до води, а там побачиш: купається дванадцять сестер, да всі перекинулись уточками, і плаття їх лежатимуть на березі - усіх одинадцять вмісті, а однієї особо; дак ти теє і возьми да й заховайся з ним. От всі сестри поодіваються да й підуть; а вона буде шукати своєго плаття, а послі скаже: озовись, хто мое плаття узяв, - тому буду матір'ю. А ти мовчи. Вона оп'ять скаже: хто мое плаття узяв - тому буду сестрою. Ти все мовчи. Тоді вона скаже: хто взяв мое плаття - того буду жінкою. От ти озовись і oddай їй плаття.

1 (Догадлив, умен.)

2 (Торчим.)

Він так і зробив. Як oddав плаття, дак та царевна і каже: "Слухай же, Іван-царевич! Як ти прийдеш до моого батька, то він буде тобі казати, щоб ти вибирал собі із нас жінку, а нас усіх поставить рядом; дивись же: усі сестри будуть дуже хороші, а на мене нашлють усяких прищів. То ти й покаж на мене, що оцю возьму! З тебе будуть усі сміяться; а ти нічого не слухай. Тоді оп'ять цар на другий день нас поставить, і сестри усі будуть в золоті, а я в чорному; ти оп'ять мене бери. Іще й на третій день цар нас покажеть, і ми вже усі будем одинакові; тільки ти дивись: я виставлю наперед ногу, то ти оп'ять на мене покаж. Більше вже не будуть тебе питати, і я буду твоя жінка". Як вона казала, так усе і зробилось.

На другий день кликнув Івана-царевича до себе цар. "Гляди, щоб ти мені до світа насадив такий сад, щоб ні у кого не було такого, і щоб уродилися такі яблуки, що золоте яблуко та срібне яблуко!" Так він прийшов до жінки да й плаче. Вона пита: "Чого ти, Іван-царевич, плачеш?" - "Як же мені не плакать, коли твій батько заказав мені таку роботу, що я й до віку не зроблю!" - "Мовчи, молись богу да лягай спати; до світа усе буде готово". Він ліг, а вона вийшла на двір, махнула платочком - набігли люди да і питают: "Чого тобі, царевно, треба?" Вона приказала, щоб до світа було усе то, що батько ні говорив. Цар вранці устав, дивиться - коли усе пороблено.

От він, дождавшись вечора, кликнув оп'ять зята да й каже: "Гляди ж, щоб до завтряго зробив мені такий мост, щоб золота палочка да срібна палочка!" От він оп'ять прийшов до жінки, став плакать да й розказав, що йому велів зробить цар. Вона оп'ять каже: "Нічого, молись богу да лягай спати", - да зараз, як тільки він ліг спати, вийшла, як крикне - люди набігли і до світа усе зробили. Цар оп'ять рано встав, побачив, що усе пороблено, призвав на вечір зята да й каже: "Гляди, щоб ти мені до світа зробив цілий дворець, да такий хороший, що ні у кого лучшого нема". Він оп'ять прийшов додому і заплакав да і став говорити жінці, що йому велів цар. Вона положила його спати, а сама вийшла да крикнула - люди збіглись; вона їм приказала, щоб до світа усе було готово, і люди усе то поробили. Тоді цар побачив, що у його зять такий, - що йому ні прикажеть, усе зробить! Більше уже нічого не заставляв його робить і став його пускати гулять по саду.

От він раз пішов у сад да зійшов на могилку¹; коли дивиться, а у його батька по двору бігають дітки; він догадався, що то його братики, заплакав да й пішов до жінки. Вона і пита його: "Чого ти плачеш?" - "Як же мені не плакати? У моого батька так весело, усі братики по двору ходять; я іще дивився із тієї могилки, що у саду". Вона йому і каже: "Не плач! Ми утечим до твого батька", - да тричі плюнула у хаті, щоб за її стала слюна говорити. І пошли вони... На другий день батько ждав, ждав, щоб вони прийшли снідати, а вони не йдуть; пішов сам кликати, став під дверми да-й кличе, а слюна і говорити: "Постойте, зараз прийду!" Він подождав, да оп'ять кличе; слюна оп'ять каже, що прийду. Тоді вже він розсердився і велів двері разломати; коли дивиться, аж нікого немає, то так розсердився, що велів разом верхових послать на всі конці.

1 (Курган.)

А царевич з жінкою далеко вже стали! Тільки вона лягла на землю да й слуха, аж погоня уже близько; от і каже йому: "Будь ти дяк, а я буду церква; да як буде тебе хто питати, чи не бачив ти якого чоловіка і з жінкою, - ти нічого не говор, а усе читай". От вёрховень прибіг, увійшов у церков, побачив дяка да й каже: "Чи ти не бачив якого чоловіка з жінкою?" А дяк усе читає; він плюнув да й поїхав назад. Тоді вони оп'ять пішли, а одійшовши далеко, царевна оп'ять лягла послухати: чи не їдуть за ними? Чує, що погоня уже близько. Вона каже Івану-царевичу: "Будь же ти пастух, а я буду свинею, і як тебе хто буде питати, чи бачив ти яких людей, - ти кажи тільки: я свиню пасу, а більше нічого не говор". Так і зробили. Вёрховень приїхав, розпитував, а як не допитався нічого - плюнув да й поїхав назад.

Тоді вони оп'ять пішли, а одійшовши, стали слухати, не їдуть лі за ними? Тільки чують, аж сам цар іде. От вона і каже: "Тепер же будь ти окунь, а я буду річкою". Так і зробили. Батька приїхав, побачив, що вже нічого не можна зробить, розсердився і сказав: "Щоб же ти була річкою три годи!" - да ї вернувсь додому.

Тоді вже річка і стала говорити своєму мужу: "Іди ж ти додому; там застанеш у себе багато і сестер і братів, да хоть як вони будуть просить, щоб ти їх поціловав - ти не цілуй, а то зараз забудеш мене". Той так і зробив, прийшов додому, да тільки поціловався з батьком і з матір'ю, а більше ні з ким, як його ні просили. Уже проходив і третій год, як раз він і забув заперти тію хату, де ночував; а к йому і вбігла одна сестра да побачила, що він спи'ть, підійшла тихесенько да й поціловала. Так він як проснувся, то вже і не згадав про свою жінку; а через місяць його посватали да і стали весілля¹ готовить.

1 (Свадьбу.)

От у суботу, уже як шишки стали бгать¹, дівка одна пішла до колодязя по воду, да тільки що нагнулась братъ, дивиться - коли там така хороша барішня. Вона вбігла у хату, розказала усім; тії пішли і собі туда, тільки уж нікого не було, а як вернулись у хату, то та самая була у хаті. "Я, - говорить, - прийшла вам помагати шишки бгать". Зліпила два голуба да й посадила їх на віконце: вони і стали говорити меж собою, аж усі удивилися. Тільки один голуб і говорит другому: "Чи ти забув, як я була церквою, а ти дячком?" - "Забув, забув!" - "Чи ти забув, як я була свинею, а ти пастухом?" - "Забув, забув!" - "Чи ти ж забув, як я була річкою, а ти окунем, і як мене батько закляв, щоб я була три годи річкою, і я тебе просила, щоб ні з ким, ні з братями, ні з сестрами не ціловався, а то мене позабудеш?" Тоді Іван-царевич усе згадав, пізнав свою жінку, прибіг до неї, став її ціловати

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
і просить батька свого, щоб їх по-своєму повінчали. І з тих пор много води утекло, а вони усе живуть да хліб жують.

1 (*Как стали приготавлять свадебное печенье.*)

Вариант сказки

Посял мужик рожь, и уродил ему господь на диво: едва мог с поля собрать! Вот перевез он снопы домой, смолотил и насыпал зерном полнехонек амбар; насыпал и думает: "Теперь-то стану жить, не тужить!" И повадились к мужику в амбар мышь да воробей; каждый божий день раз по пяти слазают, наедятся - и назад: мышь юркнет в свою норку, а воробей улетит в свое гнездо. Жили они вдвоем так-то дружно целые три года; все зерно приели, остается в закроме самая малость, с четверик - не больше. Видит мышь, что запас к концу подходит, и ну ухитряться, как бы воробья обмануть да всем достальным добром одной завладеть. И таки ухитрилась; собралась темною ночью, прогрызла в полу большущую дыру и спустила в подполье всю рожь до единого зернышка.

Поутру прилетает воробей в амбар, захотелось ему позавтракать; глянул - нет ничего! Вылетел бедняжка голодный и думает про себя: "Обидела, проклятая! Полечу-ка я, добрый молодец, к ихнему царю, ко льву, стану просить на мышь - пусть он нас рассудит по правде". Снялся и полетел ко льву. "Лев, царь звериной! - бьет ему челом воробей. - Жил я с твоим зверем, мышью зубастою; целые три года кормились из одного закрома, и не было промеж нас никакой ссоры. А как стал запас к концу подходить, пошла она на хитрости: прогрызла в закроме дыру, спустила все зерно в подполье к себе, а меня, бедного, голодать оставила. Рассуди нас по правде; не рассудишь - полечу искать суда-расправы у своего царя, орла". - "Ну и лети с богом!" - сказал лев. Воробей бросился с челобитьем к орлу, рассказал ему всю свою обиду, как Мышь своровала, а лев ей потатчик. Сильно разгневался в те поры царь орел и сейчас же отправил ко льву легкого гонца: приходи завтра с своим-де звериным воинством на такое-то поле, а я соберу всех птиц и дам тебе сражение.

Нечего делать, послал царь лев клич кликать, на войну зверей созывать. Собралось их видимо-невидимо, и только пришли на чистое поле - летит на них орел со всем своим крылатым воинством, словно туча небесная. Началась битва великая. Бились они три часа и три минуточки; победил царь орел, завалил все поле трупами звериными и распустил птиц по домам, а сам полетел в дремучий лес, усился на высокий дуб - избит, изранен, и стал думать думу крепкую, как бы назад воротить свою силу прежнюю.

Давно это было, а жил-был тогда купец с купчишою одни-одинехоньки, не было у них ни единого детища. Встал купец поутру и говорит жене: "Нехорош мне сон привиделся: навязалась будто к нам большая птица, жрет зараз по целому быку, выпивает по полному ушату; а нельзя отбыть, нельзя птицы не кормить! Пойду-ка я в лес, авось поразгуляюся". Захватил ружье и пошел в лес. Долго ли, коротко ли бродил он по лесу, подошел, наконец, к дубу, увидел орла и хочет стрелять по нем. "Не бей меня, добрый молодец! - провещал ему орел человеческим голосом. - Убьешь - мало будет прибыли. Возьми лучше меня к себе в дом да прокорми три года, три месяца и три дня; я у тебя поправлюся, отращу свои крылья, соберуся с силами и тебе добром заплачу". - "Какой заплаты от орла ожидать?" - думает купец и прицелился в другой раз. Орел провещал то же самое. Прицелился купец в третий раз, и опять орел просит: "Не бей меня добрый молодец; прокорми меня три года, три месяца и три дня; как поправлюся, отращу свои крылья да соберуся с силами - все тебе добром заплачу!"

Сжалися купец, взял птицу орла и понес домой. Тотчас убил быка и налил полный ушат медовой сыты; надолго, думает, хватит орлу корму; а орел все зараз приел и выпил. Плохо пришлось купцу от незваного гостя, совсем разорился; видит орел, что купец-то обеднял, и говорит ему: "Послушай, хозяин! Поезжай в чистое поле; много там разных зверей побитых, пораненных. Сними с них дорогие меха и вези продавать в город; на те деньги и меня и себя прокормишь, еще про запас останется". Поехал купец в чистое поле, видит: много на поле лежит зверей побитых, пораненных; поснимал с них самые дорогие меха, повез продавать в город и продал за большие деньги.

Прошел год; велит орел хозяину везти его на то место, где высокие дубы стоят. Заложил купец повозку и привез его на то место. Орел взвился за тучи и с разлету ударил грудью в одно дерево: дуб

раскололся надвое. "Ну, купец, добрый молодец, - говорит орел, - не собрался я с прежнею силою, корми меня еще круглый год". Прошел и другой год; опять взвился орел за темные тучи, разлетелся сверху и ударил грудью дерево: раскололся дуб на мелкие части. "Приходится тебе, купец, добрый молодец, еще целый год меня кормить; не собрался я с прежнею силою".

Вот как прошло три года, три месяца и три дня, говорит орел купцу: "Вези меня опять на то же место, к высоким дубам". Привез его купец к высоким дубам. Взвился орел повыше прежнего, сильным вихрем ударили сверху в самый большой дуб, расшиб его в щепки с верхушки до кореня, ажно лес кругом зашатался. "Спасибо тебе, купец, добрый молодец! - сказал орел. - Теперь вся моя старая сила со мною. Бросай-ка лошадь да садись ко мне на крылья; я понесу тебя на свою сторону и расплачусь с тобою за все добро".

Сел купец орлу на крылья; понесся орел на синее море и поднялся высоко-высоко. "Посмотри, - говорит, - на синее море, велико ли?" - "С колесо!", - отвечает купец. Орел встряхнул крыльями и сбросил купца вниз, дал ему спознать смертный страх и подхватил, не допустя до воды. Подхватил и поднялся с ним еще выше. "Посмотри на синее море, велико ли?" - "С куриное яйцо!" Встряхнул орел крыльями, сбросил купца вниз и, опять не допустя до воды, подхватил его и поднялся вверх, повыше прежнего. "Посмотри на синее море, велико ли?" - "С маковое зернышко!" И в третий раз встряхнул орел крыльями и сбросил купца с поднебесья, да опять-таки не допустил его до воды, подхватил на крылья и спрашивает: "Что, купец, добрый молодец, спознал, каков смертный страх?" - "Спознал, - говорит купец, - я думал, совсем пропаду!" - "Да ведь и я то же думал, как ты в меня ружьем целил".

Полетел орел с купцом за море, прямо к медному царству. "Вот здесь живет моя старшая сестра; как будем у ней в гостях и станет она дары подносить, ты ничего не бери, а проси себе медный ларчик". Сказал так-то орел, ударился о сырую землю и оборотился добрым молодцем. Идут они широким двором. Увидела сестра и обрадовалась: "Ах, братец родимый! Как тебя бог принес? Ведь боле трех лет тебя не видала; думала - совсем пропал! Ну чем же тебя угощать, чем потчевать?" - "Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! Я - свой человек; проси-угощай вот этого доброго молодца: он меня три года поил-кормил, с голоду не уморил".

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала; повела потом в кладовые, показывает богатства несметные и говорит купцу, доброму молодцу: "Вот злато, и серебро, и каменья самоцветные; бери себе что душа желает!" Отвечает купец, добрый молодец: "Не надо ми ни злата, ни серебра, ни каменья самоцветного; подари медный ларчик". - "Как бы не так! Не тот ты сапог на ту ногу надеваешь!" Осердился брат на такие речи сестрины, оборотился орлом, птицей быстро, подхватил купца и полетел прочь. "Братец родимый, воротися! - кричит сестра. - Не постою и за ларчик!" - "Опоздала, сестра!"

Летит орел по поднебесью. "Посмотри, купец, добрый молодец, что назади и что впереди деется?" Посмотрел купец и сказывает: "Назади пожар виднеется, впереди цветы цветут!" - "То медное царство горит, а цветы цветут в серебряном царстве у моей середней сестры. Как будем у ней в гостях и станет она дары дарить, ты ничего не бери, а проси серебряный ларчик". Прилетел орел, ударился о сырую землю и оборотился добрым молодцем. "Ах, братец родимый! - говорит ему сестра. - Отколь взялся? Где пропадал? Что так долго в гостях не бывал? Чем же тебя, друга, потчевать?" - "Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! Я - свой человек; проси-угощай вот доброго молодца, что меня три года и поил и кормил, с голоду не уморил".

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала и повела в кладовые: "Вот злато, и серебро, и каменья самоцветные; бери, купец, что душа пожелает!" - "Не надо ми ни злата, ни серебра, ни каменья самоцветного; подари один серебряный ларчик". - "Нет, добрый молодец, не тот кусок хватаешь! Не ровен час - подавишься!" Осердился брат орел, оборотился птицею, подхватил купца и полетел прочь. "Братец родимый, воротися! Не постою и за ларчик!" - "Опоздала, сестра!"

Опять летит орел по поднебесью. "Посмотри, купец, добрый молодец, что назади и что впереди?" - "Назади пожар горит, впереди цветы цветут". - "То горит серебряное царство, а цветы цветут - в золотом, у моей меньшей сестры. Как будем у ней в гостях и станет она дары дарить, ты ничего не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

бери, а проси золотой ларчик". Прилетел орел к золотому царству и оборотился добрым молодцем. "Ах, братец родненький! - говорит сестра. - Отколь взялся? Где пропадал? Что так долго в гостях не бывал? Ну, чем же велишь себя потчевать?" - "Не меня проси, не меня угощай, я - свой человек; проси-угощай вот этого купца, доброго молодца: он меня три года поил и кормил, с голоду не уморил".

Посадила она их за, столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала; повела купца в кладовые, дарит его златом, и серебром, и камнями самоцветными. "Ничего мне не надоно; только подари золотой ларчик". - "Бери себе на счастье! Ведь ты моего брата три года поил и кормил, с голоду не уморил; а ради брата ничего мне не жалко!" Вот пожил, попироал купец в золотом царстве; пришло время расставаться, в путь-дорогу отправляться. "Прощай, - говорит ему орел, - не поминай лихом, да смотри - не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься".

Пошел купец домой; долго ли, коротко ли шел он, приустал, и захотелось ему отдохнуть.

Остановился на чужом лугу, на земле царя Некрещеного Лба, смотрел, смотрел на золотой ларчик, не вытерпел и отомкнул. Только отпер - откуда ни возьмись, раскинулся перед ним большой дворец, весь изукрашенный, появились слуги многие: "Что угодно? Чего надоно?" Купец, добрый молодец, наелся, напился и спать повалился.

Увидал царь Некрещеный Лоб, что стоит на его земле большой дворец, и посыает послов: "Подите, разузнайте: что за невежа такой проявился, без спросу на моей земле дворец выстроил? Чтоб сейчас убирался вон подобру-поздорову!" Как пришло к купцу такое грозное слово, стад он думать да гадать, как бы собрать дворец в ларчик по-прежнему; думал, думал - нет, ничего не поделаешь! "Рад бы убираться, - говорит он послам, - да как? И сам не придумаю". Послы воротились и донесли про все царю Некрещеному Лбу. "Пусть отдаст мне то, чего дома не ведает; соберу ему дворец в золотой ларчик". Делать нечего, пообещал купец с клятвою отдать то, чего дома не ведает; а царь Некрещеный Лоб тотчас собрал дворец в золотой ларчик. Взял купец золотой ларчик и пустился в дорогу.

Долго ли, коротко ли, приходит домой; встречает его купчиха: "Здравствуй, свет! Где был-пропадал?" - "Ну, где был - там теперь меня нету!" - "А нам господь без тебя сынка даровал". - "Вот я чего дома не ведал", - думает купец и крепко приуныл, пригорюнился. "Что с тобой? Али дому не рад?" - пристает купчиха. "Не то!" - говорит купец и тут же рассказал ей про все, что с ним было. Погоревали они, поплакали; да не век же и плакать! Раскрыл купец свой золотой ларчик, и раскинулся перед ним большой дворец, хитро изукрашенный, и стал он с женой и сыном жить в нем, поживать, добра наживать.

Прошло лет с десяток и побольше того; вырос купеческий сын, поумнел, похорошел и стал молодец молодцом. Раз поутру встал он невесело и говорит отцу: "Батюшка! Снился мне нынешней ночью царь' Некрещеный Лоб, приказывал к себе приходить: давно-де жду, пора и честь знать!" Прослезились отец с матерью, дали ему свое родительское благословение и отпустили на чужую сторону.

Идет он дорогою, идет широкою, идет полями чистыми, степями раздольными и приходит в дремучий лес. Пусто кругом, не видать души человеческой; только стоит небольшая избушка одна-одинехонька, к лесу передом, к Ивану гостиному сыну задом. "Избушка, избушка! - говорит он. - Повернись к лесу задом, а ко мне передом". Избушка послушалась и повернулась к лесу задом, к нему передом. Вошел в избушку Иван гостиный сын, а там лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, титьки через грядку висят. Увидала его баба-яга и говорит: "Доселева русского духа слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне русский дух воочью проявляется! Отколь идешь, добрый молодец, и куда путь держишь?" - "Эх ты, старая ведьма! Не накормила, не напоила прохожего человека, да уж вестей спрашиваешь".

Баба-яга поставила на стол напитки и наедки разные, накормила его, попоила и спать уложила, а поутру ранехонько будит и давай расспрашивать. Иван гостиный сын рассказал ей всю подноготную и просит: "Научи, бабушка, как до царя Некрещеного Лба дойти". - "Ну, хорошо, что ты ко мне зашел, а то не бывать бы тебе живому: царь Некрещеный Лоб крепко на тебя сердит, что долго к нему не являлся. Послушай же, ступай по этой тропинке и дойдешь до пруда; спрячься за дерево и

выжидал время: прилетят туда три голубицы красные девицы, дочери царские; отвяжут свои крыльшки, поснимают платья и станут в пруду плескаться. У одной крыльшки будут пестренькие; вот ты улучи минуточку и захвати их к себе и до тех пор не отдавай, пока не согласится она пойти за тебя замуж. Тогда все хорошо будет!" Попрощался Иван гостиный сын с бабою-ягою и пошел по указанной тропинке.

Шел, шел, увидел пруд и спрятался за густое дерево. Немного спустя прилетели три голубицы, одна с пестрыми крыльшками, ударились оземь и обернулись красными девицами; сняли свои крыльшки, сняли свое платье и начали купаться. А Иван гостиный сын держит ухо остро, подполз потихоньку и утащил пестрые крыльшки. Смотрит: что-то будет? Выкупались красные девицы, вышли из воды; две тотчас же нарядились, прицепили свои крыльшки, обернулись голубицами и улетели; а третья осталась пропажи искать.

Ищет, сама приговаривает: "Скажись, отзовись, кто взял мои крыльшки; если старый старишок - будь мне батюшкой, если средних лет - милым дядюшкой, если ж добрый молодец - пойду за него замуж". Иван гостиный сын вышел из-за дерева: "Вот твои крыльшки!" - "Ну скажи теперь, добрый молодец, нареченный муж, какого ты роду-племени и куда путь держишь?" - "Я - Иван гостиный сын, а путь держу к твоему батюшке, царю Некрещеному Лбу". - "А меня зовут Василиса Премудрая". А была Василиса Премудрая любимая дочь у царя: и умом и красой взяла! Указала она жениху своему дорогу к царю Некрещеному Лбу, вспорхнула голубицею и полетела вслед за сестрами.

Пришел Иван гостиный сын к царю Некрещеному Лбу; заставил его царь на кухне служить, дрова рубить, воду таскать. Невзлюбил его повар Чумичка, стал на него царю наговаривать: "Ваше царское величество! Иван гостиный сын похваляется, что может он за единую ночь вырубить большой дремучий лес, бревна в кучи складывать, коренья повыкопать, а землю вспахать и засеять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и в муку смолоть; из той муки пирогов напечь, вашему величеству на завтрак поднести". - "Хорошо, - говорит царь, - позвать его ко мне!" Явился Иван гостиный сын. "Что ты там похваляешься, что за единую ночь можешь вырубить дремучий лес, землю вспахать - словно поле чистое, и засеять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и в муку обратить; из той муки пирогов напечь, мне на завтрак поднести? Смотри же, чтоб к утру все было готово; не то - мой меч, твоя голова с плеч!"

Сколько ни отпирался Иван гостиный сын, ничего не помогло; приказ дан - надо исполнять. Идет он от царя и буйную голову свою повесил с горя. Увидела его царская дочь Василиса Премудрая и спрашивает: "Что так пригорюнился?" - "Что тебе и говорить! Ведь ты моему горю не пособишь?" - "Почем знать, может и пособлю!" Рассказал ей Иван гостиный сын, какую службу приказал ему царь Некрещеный Лоб. "Ну, это что за служба! Это - службишка, служба будет впереди! Ступай, богу молись да спать ложись; утро вечера мудренее, к утру все будет сделано".

Ровно в полночь вышла Василиса Премудрая на красное крыльце, закричала зычным голосом - и в минуту сбежались со всех сторон работники: видимо-невидимо их! Кто деревья валит, кто коренья копает, а кто землю пашет; в одном месте сеют, а в другом уж жнут и молотят! Пошла пыль столбом; а к рассвету уж зерно смолото и пироги напечены. Понес Иван гостиный сын пироги на завтрак царю Некрещеному Лбу. "Молодец!" - сказал царь и велел наградить его из своей царской казны.

Повар Чумичка пуще прежнего озлобился на Ивана гостиного сына; стал опять наговаривать: "Ваше царское величество! Иван гостиный сын похваляется, что может за единую ночь сделать такой корабль, что будет летать по поднебесью". - "Хорошо, позвать его сюда!" Позвали Ивана гостиного сына. "Что ты слугам моим похваляешься, что можешь за единую ночь сделать чудесный корабль и тот корабль будет летать по поднебесью; а мне ничего не сказываешь? Смотри же у меня, чтоб к утру все поспело; не то - мой меч, твоя голова с плеч!"

Иван гостиный сын повесил с горя свою буйную голову ниже могучих плеч, идет от царя сам не свой. Увидела его Василиса Премудрая: "О чем пригорюнился, о чем запечалился?" - "Как мне не печалиться? Приказал царь Некрещеный Лоб построить за единую ночь корабль-самолет". - "Это что за служба! Это - службишка, служба будет впереди. Ступай, богу молись да спать ложись; утро вечера мудренее, к утру все будет сделано". В полночь вышла Василиса Премудрая на красное

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

крыльцо, закричала зычным голосом - и в минуту сбежались со всех сторон плотники. Принялись топорами постукивать; живо работа кипит! К утру совсем готова! "Молодец! - сказал царь Ивану гостиному сыну. - Поедем теперь кататься".

Сели они вдвоем да третьего прихватили с собой повара Чумичку и полетели по поднебесью. Пролетают они над звериным двором; нагнулся повар вниз посмотреть, а Иван гостиный сын тем временем взял и столкнул его с корабля. Лютые звери тотчас разорвали: его на мелкие части. "Ах, - кричит Иван гостиный сын, - Чумичка свалился!" - "Черт с ним! - сказал царь Некрещеный Лоб. - Собаке собачья и смерть!" Воротились во дворец. "Хитёр ты, Иван гостиный сын! - говорит царь. - Вот тебе третья задача: объезди мне неезжалого жеребца, чтоб мог под верхом ходить. Объездишь жеребца - отдам за тебя замуж дочь мою, а не то - мой меч, твоя голова с плеч!" - "Ну, это работа легкая!" - думает Иван гостиный сын; идет от царя, сам усмехается.

Увидела его Василиса Премудрая, расспросила про все и говорит: "Не умен ты, Иван гостиный сын! Теперь задана тебе служба трудная, работа нелегкая: ведь жеребцом-то будет сам царь Некрещеный Лоб, понесет он тебя по поднебесью выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и размычет все твои косточки по чистому полю. Ступай поскорей к кузнецам, закажи, чтоб сделали тебе железный молот пуда в три; а как сядешь на жеребца, покрепче держись да железным молотом по голове осаживай".

На другой день вывели конюхи жеребца неезжалого: еле держат его! Храпит, рвется, на дыбы становится! Только сел на него Иван гостиный сын, поднялся жеребец выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и полетел по поднебесью быстрей сильного ветра. А ездок крепко держится да все молотом по голове его осаживает. Выбился жеребец из сил и опустился на сырую землю; Иван гостиный сын отдал жеребца конюхам, а сам отдохнул и пошел во дворец. Встречает его царь Некрещеный Лоб с завязанной головою. "Объездил коня, ваше величество!" - "Хорошо; приходи завтра невесту выбирать, а нынче у меня голова болит".

Поутру говорит Ивану гостиному сыну Василиса Премудрая: "Нас у батюшки три сестры; обернет он нас кобылицами и заставит тебя выбирать невесту. Смотри-примечай: на моей уздачке одна блесточка потускнеет. Потом выпустит нас голубицами; сестры будут тихохонько гречиху клевать, а я нет-нет да взмахну крыльышком. В третий раз выведет нас девицами - одна в одну и лицом, и ростом, и волосом; я нарочно платочком махну, по тому меня узнавай!"

Как сказано, вывел царь Некрещеный Лоб трех кобылиц - одна в одну, и поставил в ряд. "Выбирай за себя любую!" Иван гостиный сын зорко оглянулся; видит, на одной уздачке блесточка потускнела, схватил за ту уздачку и говорит: "Вот моя невеста!" - "Дурную берешь! Можно и получше выбрать". - "Ничего, мне и эта хороша!" - "Выбирай в другой раз". Выпустил царь трех голубиц - перо в перо, и насыпал им гречихи; Иван гостиный сын заприметил, что одна все крыльишком потряхивает, схватил ее за крыло: "Вот моя невеста!" - "Не тот кус хватаешь; скоро подавишься! Выбирай в третий раз". Вывел царь трех девиц - одна в одну и лицом, и ростом, и волосом. Иван гостиный сын увидел, что одна платочком махнула, схватил ее за руку: "Вот моя невеста!" Делать было нечего, отдал за него царь Некрещеный Лоб Василису Премудрую, и сыграли свадьбу веселую.

Ни мало, ни много прошло времени, задумал Иван гостиный сын бежать с Василисою Премудрою в свою землю. Оседлали они коней и уехали темною ночью. Поутру хватился царь Некрещеный Лоб и послал за ними погоню. "Припади к сырой земле, - говорит Василиса Премудрая мужу, - не услышишь ли чего?" Он припал к сырой земле, послушал и отвечает: "Слышу конское ржание!" Василиса Премудрая сделала его огородом, а себя кочном капусты. Воротилась погоня к царю с пустыми руками: "Ваше царское величество! Не видать ничего в чистом поле, только и видели один огород, а в том огороде кочан капусты". - "Поезжайте, привезите мне тот кочан капусты; ведь это они умудряются!"

Опять поскакала погоня, опять Иван гостиный сын припал к сырой земле. "Слышу, - говорит, - конское ржание!" Василиса Премудрая сделалась колодцем, а его оборотила ясным соколом; сидит сокол на срубе да пьет воду. Приехала погоня к колодцу - нет дальше дороги! - и повернула назад. "Ваше царское величество! Не видать ничего в чистом поле; только и видели один колодец, из того колодца ясный сокол воду пьет". Поскакал догонять сам царь Некрещеный Лоб. "Припади-ка к сырой земле, не услышишь ли чего?" - говорит Василиса Премудрая своему мужу. "Ох, стучит-

гремит пуще прежнего!" - "То отец за нами гонится! Не знаю, не придумаю, что делать!" - "Я и поготово не ведаю!"

Были у Василисы Премудрой три вещицы: щетка, гребенка и полотенце; вспомнила про них и говорит: "Еще бог милостив! Есть у меня оборона от царя Некрещеного Лба!" Махнула назад щеткою - и сделался большой дремучий лес: руки не просунешь, а кругом в три года не обойдешь! Вот царь Некрещеный Лоб грыз, грыз дремучий лес, проложил себе тропочку, пробился и опять в погонь. Близко нагоняет, только рукой схватить; Василиса Премудрая махнула назад гребенкою - и сделалась большая-большая гора: не пройти, не проехати! Царь Некрещеный Лоб копал, копал гору, проложил тропочку и опять погнался за ними. Тут Василиса Премудрая махнула назад полотенцем - и сделалось великое-великое море. Царь прискакал к морю, видит, что дорога заставлена, и повертил домой.

Стал подходить Иван гостиный сын с Василисою Премудрою к своей земле и сказывает ей: "Я вперед пойду, извещу о тебе отца с матерью, а ты меня здесь подожди". - "Смотри же, - говорит ему Василиса Премудрая, - как придешь домой, со всеми целуйся, не целуйся только с своей крестной матерью, а то меня позабудешь!" Иван гостиный сын воротился домой, всех поцеловал на радостях, поцеловал и крестную мать, да и забыл про Василису Премудрую. Стоит она, бедная, на дороге, дожидается; ждала, ждала - не идет за ней Иван гостиный сын; пошла в город и нанялась в работницы к одной старушке. А Иван гостиный сын задумал жениться, сосватал себе невесту и затеял пир на весь мир.

Василиса Премудрая узнала про то, нарядилась нищенкой и пошла на купеческий двор просить милостыньку. "Погоди, - говорит купчиха, - я тебе маленький пирожок испеку; от большого "резать не стану". - "И за то спасибо, матушка!" Только большой пирог пригорел, а маленький хорош вышел. Купчиха отдала ей горелый' пирог, а маленький за стол подала. Разрезали тот пирожок - и тотчас вылетели из него два голубя. "Поцелуй меня", - говорит голубь голубке. "Нет, ты меня позабудешь, как забыл Иван гостиный сын Василису Премудрую!" И в другой и в третий раз говорит голубь голубке: "Поцелуй меня!" - "Нет, ты меня позабудешь, как забыл Иван гостиный сын Василису Премудрую". Опомнился Иван гостиный сын, узнал, кто такая нищенка, и говорит отцу, матери и гостям: "Вот моя жена!" - "Ну, коли у тебя есть жена, так и живи с нею!" Новую невесту богато одарили и домой отпустили; а Иван гостиный сын с Василисою Премудрою стали жить-поживать да добра наживать, лиха избывать.

Вариант сказки

Жил-был богатый купец. Пошел он ходить по чужим сторонам, дошел до реки и захотел пить; стал он в той реке пить, и схватил его Чудо-Юдо Беззаконный и просит: "Отдай ты мне, чего дома не знаешь". Купец думал, думал: "Кажется, я все дома знаю!" И сказал: "Ну, возьми!" Чудо-Юдо отпустил его. Отправился купец на родину; немалое время был он в пути, пришел домой, а без него жена сына родила. И растет этот сын не по годам, не по дням, а по часам, по минутам. Требует Чудо-Юдо уплаты. "Подай, - говорит, - мне, что сам обещал". Отец не дает, жалко ему своего сына, а сын говорит: "Что же делать, батюшка! Благослови меня, я пойду".

Шел он, шел много ли, мало ли время и пришел к темному лесу; стоит избушка на куриных ножках, на бараньих рожках. Говорит Иван купецкий сын: "Избушка, избушка! Обратись к лесу задком, ко мне передком". Сейчас избушка повернулась; он взошел в нее, а в избушке сидит баба-яга костяная нога. "Ого, - говорит, - давно русским духом не пахло! Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой братец Чудо-Юдо тебя ждет - не дождется". Он спрашивает: "Как же мне пройти к нему?" Баба-яга дала ему шар и сказывает: "Куда покатится этот шар, туда и ступай!"

Прикатился этот шар к другой изобке; взошел туда Иван купецкий сын, а в изобке сидит баба-яга костяная нога; сама на стуле, нос в потолок, одна нога в правый угол, а другая в левый. "Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой братец тебя давно дожидается!" - "Как же мне пройти к нему?" Баба-яга дала ему шар и сказывает: "Ступай, куда шар покатится". Прикатился шар к третьей изобке; Иван купецкий сын взошел в эту изобку, а в ней сидит Чудо-Юдова дочка. "Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой батюшка давно тебя дожидается". - "Как же мне пройти к нему?" - "А вот ступай по этой

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
проталинке - и прямо выйдешь к моему батюшке".

Он пошел той проталинкою и дошел до моря синего. По одну сторону моря синего плавает семьдесят семь уточек, по другую сторону изгорода стоит, на изгороде висят все человечьи головы. Говорит Иван купецкий сын: "Быть моей головушке на этой изгороде!" А сам слезно плачет. Вышла к нему девица-красавица и спрашивает: "Об чем ты, добрый молодец, плачешь?" - "Как же мне не плакать? Шел я много времени, а никак не найду Чуда-Юда Беззаконного". Девица в ответ ему: "Шагни назад три шага - и будешь там". Он шагнул назад три шага и очутился в большом доме. Говорит ему Чудо-Юдо: "Давно я тебя ожидаюсь, Иван купецкий сын! Вот тебе за провинок, что ты долго не приходил: поставь мне за ночь амбар; а если не поставишь, так голова твоя будет отрублена".

Вышел Иван купецкий сын, стоит и плачет около колодца, идет к нему девушка Василиса Премудрая: "Об чем плачешь, добрый молодец?" - "Как же мне не плакать? Твой батюшка велел мне поставить за ночь амбар". - "Не плачь, Иван купецкий сын! Молись богу да ложись спать". Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: "Батюшкины работнички, матушкины заботнички! Подите сюда с вилами, с топорами и с долотами". Пришли работнички, за одну ночь амбар поставили. Василиса Премудрая говорит: "Иван купецкий сын! Поди к амбарам и побивай там гвоздики". Он и пошел. Приходит к нему Чудо-Юдо: "А, Иван купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня". Потом приказал ему: за ночь поле вспахать и сбороновать, пшеницу посеять, сжать, обмолотить и в амбар убрать.

Иван купецкий сын больше того еще заплакал; опять идет к нему Василиса Премудрая и говорит: "Об чем же ты плачешь, Иван купецкий сын?" - "Как же мне не плакать? Твой батюшка велел поле вспахать и пшеницу убрать". - "Не плачь, Иван купецкий сын! Молись богу да ложись спать; все будет сделано". Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: "Батюшкины работнички, матушкины заботнички! Подите сюда с сохами и с боронами, с серпами и с цепами поле убирать". Вот поле вспахали, хлеб убрали и в амбар переносили. Василиса Премудрая посылает: "Ступай, Иван купецкий сын, и подметай в амбаре". Приходит в амбар Чудо-Юдо: "А, Иван купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня". Потом приказал ему поставить за ночь дворец рядом с своим домом, чтобы крыльцо было к крыльцу подведено.

Иван купецкий сын еще больше того залился слезами. Идет к нему Василиса Премудрая: "Об чем же ты плачешь, Иван купецкий сын?" - "Как же мне не плакать? Твой батюшка велел мне поставить дворец". - "Не плачь, Иван купецкий сын! Я все сделаю; молись богу да ложись спать". Василиса Премудрая вышла на крыльцо и закричала: "Батюшкины работнички, матушкины заботнички, подите сюда со всем своим струментом и за одну ночь поставьте дворец". Утром Василиса Премудрая говорит: "Иван купецкий сын! Поди к дому и поколачивай гвоздики". Он пошел. Приходит к нему Чудо-Юдо: "А, Иван купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня. Ну, теперь узнай из семидесяти семи моих дочерей Василису Премудрую. Если узнаешь, отдам ее за тебя замуж".

Иван купецкий сын больше того заплакал. Вышла к нему Василиса Премудрая: "Об чем ты плачешь?" - "Как же мне не плакать? Твой батюшка велел узнать тебя изо всех своих дочерей". - "Не плачь, Иван купецкий сын! Все возможно сделать. Стану я входить в горницу - перейду через порог и топну ногой; сяду я на лавочку - платочком махну и колечко с руки на руку передену: по тому узнавай!" Чудо-Юдо велел всем дочерям собраться в одну горницу и приказал Ивану купецкому сыну узнавать Василису Премудрую. Иван купецкий сын посмотрел и узнал Василису Премудрую. Чудо-Юдо говорит: "Ну, я хитер, а ты хитрее меня!" - и отдал за него Василису Премудрую замуж.

Стал Иван купецкий сын проситься в свою сторону: у нас весело жить! Василиса Премудрая снарядилась, взяла с собой убрус, мыло и гребенку, и пошли они в путь; а в доме посадили по всем четырем углам по кукле. Чудо-Юдо посылает людей звать к себе Василису Премудрую и Ивана купецкого сына чай кушать, а куклы отвечают: "Мы только что встали!" Немного спустя посылает опять звать; куклы отвечают: "Сейчас идем!" Чудо-Юдо посылает в третий раз: "Подите посмотрите - дома ли они?" Заглянули в горницу, в горнице по всем четырем углам куклы сидят, а их нету.

Чудо-Юдо рассердился, послал догонять. Стали гонцы догонять, Василиса Премудрая и говорит: "Иван купецкий сын! Припади к сырой земле, не догоняют ли нас?" Он припал к земле и говорит:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Догоняют!" Она бросила гребенку - сделался дремучий лес, нельзя ни пройти, ни проехать. Которые догоняли их - дошли до лесу и воротились назад; докладывают: "Никак нельзя пройти!" Чудо-Юдо велел взять топоры и рубить лес; тотчас принялись рубить и прорубили дорожку.

Стали опять догонять; Василиса Премудрая говорит: "Иван купецкий сын! Припади к сырой земле, не догоняют ли нас?" Он припал к земле и говорит: "Догоняют!" Василиса Премудрая бросила мыло - поднялась высокая гора. Которые догоняли - опять воротились назад: "На пути стоит высокая гора; никак нельзя ни пройти, ни проехать!" Чудо-Юдо велел взять застуны и рыть гору. Прокопали дорожку и опять догоняют. Василиса Премудрая говорит: "Иван купецкий сын! Припади к сырой земле, не догоняют ли нас?" Иван купецкий сын припал к земле и говорит: "Догоняют!" Василиса, Премудрая сейчас кинула убрис - сделалось широкое море. Которые догоняли - подошли к морю: никак нельзя перейти, и воротились назад.

А Иван купецкий сын и Василиса Премудрая пришли в свою сторону. Он собирается к отцу идти, а Василиса Премудрая села на дереве около пруда и сказала ему: "Со всеми поздоровайся только не здоровайся с маленьким, что в люльке лежит; если ты с ним поцелуешься, то меня позабудешь". Иван купецкий сын пришел домой, со всеми поздоровался, поцеловался и с маленьким - и забыл свою Василису Премудрую. Отец приискал ему невесту и задумал его женить.

Утром пошла Иванова сестра за водой, увидала в воде Василису Премудрую и говорит: "Какая я хорошая, какая я пригожая! Не мне носить воду!" Бросила ведра и воротилась домой. Потом пошла другая сестра: "Ах, я еще лучше; да понесу я воду!" И эта бросила ведра. Пошла за водой мать, только почерпнула ведра, а Василиса кричит с дерева: "Здорово, тетушка! Возьми меня к себе погреться". Она взяла ее к себе в дом. Стала хозяйка пирога в печку сажать; Василиса Премудрая и говорит: "Тетушка, дай мне теста". Хозяйка не отказалась; Василиса Премудрая взяла да в это тесто пустила из своего пальчика крови, сделала пирожок и дала посадить в печь. Пирожок Василисы Премудрой вышел так хороший, так пригож, просто чудо! Хозяйка просит у Василисы Премудрой пирожок на княжий стол; она и отдала ей.

Подали его на княжий стол, отрезали кусок - оттуда вылетел голубь; потом еще отрезали - вылетела голубка; голубь сел на окне, голубка села на печном столбе. Голубь заворковал, а голубка говорит ему: "Воркуй, воркуй, голубок! Не забудь ты свою голубку, как Иван купецкий сын свою позабыл!" Немножко погодя голубь опять заворковал, а голубка говорит: "Воркуй, воркуй, голубок! Не забудь ты свою голубку, как Иван купецкий сын свою позабыл!" Иван купецкий сын услышал то воркованье, вскочил из-за стола и сказал отцу с матерью: "Не эта моя суженая, а вот моя жена Василиса Премудрая". Взял ее за себя и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

Вариант сказки

Жил-был охотник, ходил-бродил в лесах целые дни. Раз как-то и запутался, и пристигла его темная-темная ночь, да такая холодная, что зубом на зуб не попадешь! Утомился, прозяб бедняга и не придумает, где и как ему ночь провести. Вдруг усмотрел - недалеко в стороне огонек светится; пошел на огонь и видит - у зажженного костра чернец сидит. А то не чернец был, а был сам нечистый. "Позволь, отче, погреться!" - просит охотник. "Если хочешь погреться, - отвечает черт, - то отдай мне то, чего дома не знаешь". Охотник согласился, а того не ведает, что ему бог сына даровал. Заснул у костра, а наутро воротился домой.

Вот как подрос у него сын - этак лет десять сравнялось - и стал собою писаный красавец, то отец, глядя на него, не мог удержаться, чтоб не заплакать. "Батюшка! О чем плачешь?" - спрашивает сын. "Смотрю на тебя, что ты на беду зародился, и плачу". И рассказал ему, как у него с чертом было условлено. "Ну что ж? Ведь этого назад не воротишь!" - сказал сын. - Пойду-ка я к нечистому".

Отец его благословил, и пошел он из дома. Шел, шел и очутился возле большого озера. Вдруг озеро разделилось на две стороны - промеж вод открылась сухая дорога. Мальчик отправился этой дорогою и пришел в самую глубь - к черту. А отец его с той самой поры, как отпустил сына, со великого горя зачалшибко, без просыпу пьянствовать; так с перепою и помер; поп его и хоронить не стал, а закопали его грешное тело на распутье. И попался этот опойца к тому же самому черту в работу; да еще было у черта двенадцать заклятых девушек - все на одно лицо, волос в волос, голос в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
голос; одна из них - такая мудрая, что мудрей самого нечистого! Черт заставляет мальчика выбирать невесту и женит его на мудрой девице, потом призывает его и приказывает: "Вот тебе первая служба: вставай завтра рано и гони моих кобылиц на луг, да смотри - ни одной не истеряй; не то голова долой!"

Добрый молодец только выгнал кобылиц за ворота, как они, задрав хвосты, разбежались в разные стороны и с глаз пропали. Сидит он да плачет, а время уж к вечеру идет. "Ну, - думает, - загубил свою голову!" А тут вышла на зеленый луг его молодая жена. "Не тужи! - говорит. - Я твоему горю пособлю". Крикнула громким голосом - и налетело видимо-невидимо оводов и слепней, словно туча нашла. Приказывает она: "Полетайте-ка в разные стороны да гоните сюда кобылиц!" Бросились слепни и оводы на тех кобылиц, так и обсыпали! Кусают да горячую кровь пьют; и вот так-то в короткое время всех их к пастуху собрали. Погнал пастух кобылиц домой, а слепни да оводы следом за ними летят, ни одной не дают от стада отбиться.

Задал нечистый добруму молодцу иную задачу. "Есть, - говорит, - у меня на конюшне кобыла - тридцать лет как не езжена; завтра ж объезди ее". Рассказал молодец про ту задачу своей жене, а она ему: "Знаю я - то будет не простая кобыла, а сама чертова жена!" И научила его, чтобы всякая сбруя конская - узда и подпруге - были острыми гвоздями утыканы, да велела взять с собой три железных прута. Молодец послушался, подходит поутру к кобылице, а она словно лютый змей рвется - подступить не дает. Накинул на нее узду, закрепил подпруги, и вошли острые гвозди глубоко ей и в морду и в тело; сел на кобылицу, поскакал и давай ее по бокам угощать железными прутьями. Уж она носила, носила его и по мхам, и по болотам, и по крутым ярам, да пришлось смириться: такая кроткая стала, хоть ребенок поезжай!

Воротился молодец домой, а черт приказывает ему третью задачу: "Прилетает сюда по вечерам трехглавый змей и моих голубей поедает, так ты его так проучи, чтоб вперед не показывался!" Говорит молодцу мудрая жена: "Тот змей - сам нечистый будет!" - и научила его, как надо со змеем расправу чинить. И эту задачу исполнил добрый молодец, задал черту такого трезвона железными прутьями, что долго он больной с боку на бок поворачивался; а как выздоровел, вздумал отпустить парня на волю: "Ступай, куда сам знаешь, и жену, свою возьми! Да на дорогу выбери себе любого жеребца с моей конюшни; дарю тебе за службу". Молодец поблагодарил и рассказал про то жене; она ему говорит: "Не бери себе хорошего жеребца, а бери шелудивую клячу, что вся в гною на заднем дворе лежит". Тот взял клячу, выбрался с женой из воды на берег, глядь - а заместо той лошаденки очутился его родной отец. "Я, - говорит, - был у черта рабочею клячею; да и другие кони, что у него на конюшне стоят, все - утопленники, опойцы да удавленники".